

Взамен разосланного

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части третьей статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Петрова Владимира Геннадьевича

город Санкт-Петербург

22 июля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

с участием полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф.Мезенцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части третьей статьи 214 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.Г.Петрова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.Б.Калиновского, объяснения представителей стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый акт, выступления временно исполняющего обязанности полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации П.В.Степанова, а также приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – А.З.Завалунова, от Министерства юстиции Российской Федерации – А.В.Таманцевой, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Г.В.Марьяна, от Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – Е.А.Рубинштейна, а также выступление – в связи с подготовкой заключения по делу – А.И.Чучаева (Институт государства и права Российской академии наук), исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае истечения сроков давности уголовного преследования; в соответствии с частью третьей статьи 214 данного Кодекса возобновление производства по ранее прекращенному уголовному делу возможно в том случае, если не истекли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности.

1.1. 8 октября 2014 года возбуждено уголовное дело в отношении неустановленного лица по факту хищения у гражданина В.Г.Петрова путем

обмана денежных средств, перечисленных им в 2012 году посредством денежного перевода. Преступление квалифицировано первоначально по части второй статьи 159 УК Российской Федерации, а впоследствии – по ее части четвертой.

Производство по уголовному делу неоднократно приостанавливалось на основании пункта 1 части первой статьи 208 УПК Российской Федерации – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, – и возобновлялось. 2 сентября 2022 года уголовное дело в отношении неустановленного лица прекращено на основании пункта 3 части первой статьи 24 данного Кодекса – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

13 августа 2024 года Ленинский районный суд города Владивостока Приморского края, рассмотрев в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации жалобу, поданную в интересах В.Г.Петрова, признал постановление следователя о прекращении уголовного дела незаконным и обязал устранить допущенные нарушения. Правомерность этого решения подтверждена апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 14 октября 2024 года. Суды исходили из того, что прекратить дело в связи с истечением сроков давности уголовного преследования можно только в отношении конкретного лица – подозреваемого или обвиняемого, если оно не возражает против этого.

Во исполнение решения суда руководитель следственного органа, исходя из того что после прекращения уголовного дела прошло более года, возбудил перед судом в порядке статьи 214¹ УПК Российской Федерации ходатайство о разрешении отмены признанного судом незаконным постановления о прекращении уголовного дела от 2 сентября 2022 года. Постановлением Ленинского районного суда города Владивостока Приморского края от 17 января 2025 года в удовлетворении ходатайства отказано, поскольку, как указал суд, получение согласия на прекращение дела не требуется в случае, если не удалось установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, а частью третьей статьи 214 данного

Кодекса введен запрет на возобновление производства по делу в случае, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Правильность этих выводов подтвердили суды вышестоящих инстанций, которые отвергли и довод о незаконности оспариваемого судебного решения ввиду наличия вступившего в законную силу решения суда, признавшего незаконным постановление следователя о прекращении уголовного дела (апелляционное постановление Приморского краевого суда от 17 марта 2025 года, постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июля 2025 года и постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2025 года).

В этой связи заявитель просит признать пункт 3 части первой статьи 24 и часть третью статьи 214 УПК Российской Федерации противоречащими статьям 18, 19 (часть 1), 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют прекращать уголовное дело за истечением сроков давности уголовного преследования без получения согласия на это лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, ввиду его неустановления, а также прямо запрещают возобновлять после истечения сроков давности производство по прекращенному делу, несмотря на признание судом постановления о таком прекращении незаконным.

1.2. Определяя предмет рассмотрения по делу в порядке конкретного нормоконтроля, Конституционный Суд Российской Федерации связан предметом, указанным в жалобе (часть третья статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и самой природой этой формы нормоконтроля. Он не может абстрагироваться от тех особенностей правоотношений, имевших место в конкретном деле, которые обусловлены оспариваемыми нормами и иными положениями, подлежавшими применению в этом деле.

Отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается, как прямо указано в части первой¹ статьи 214 УПК Российской Федерации,

на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном его статьями 125, 125¹ и 214¹. Это означает, что признание вступившим в законную силу судебным решением, вынесенным в порядке статьи 125 данного Кодекса, незаконности или необоснованности такого постановления не предполагает задействования процедуры, предусмотренной его статьей 214¹, а требует исполнения судебного акта. Иное вело бы к неисполнению решения суда, правосудность которого не опровергнута в должном порядке, к умалению гарантий судебной защиты прав потерпевшего при прекращении уголовного дела, в том числе в части правильности установления фактических обстоятельств дела и их юридической оценки, от чего зависит применение сроков давности уголовного преследования. Это означало бы и невыполнение обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, нарушение равенства перед законом и судом и отступление от принципов независимости суда и обязательности судебных актов, а потому вступало бы в противоречие с требованиями статей 15 (часть 2), 19 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Несмотря на то что в деле В.Г.Петрова была задействована процедура статьи 214¹ УПК Российской Федерации при наличии судебного решения, вынесенного в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемых им норм проявилась в том, что в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, сам факт истечения сроков давности, предусмотренных статьей 78 УК Российской Федерации, получает разную оценку судов, разрешающих вопрос о том, влечет ли этот факт прекращение уголовного дела и препятствует ли он возобновлению ранее прекращенного дела.

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 3 части первой статьи 24 и часть третья статьи 214 УПК Российской Федерации в той мере, в

какой на их основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о прекращении уголовного дела, по которому не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, и о возобновлении производства по делу в случаях, когда истекли сроки давности уголовного преследования, предусмотренные статьей 78 УК Российской Федерации.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагая на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать и соблюдать права и свободы, защищать конституционно значимые ценности, в том числе от преступных посягательств, Конституция Российской Федерации закрепляет в этих целях требование законодательно определять преступность и наказуемость общественно опасных деяний, основания и порядок преследования лиц, нарушивших уголовный закон, и специальным образом гарантирует потерпевшим от преступлений охрану их прав, доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 1, 2 и 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»). Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что законодатель в силу статей 19, 45, 46 и 49 Конституции Российской Федерации вправе как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (постановления от 14 июля 2011 года № 16-П, от 18 июля 2022 года № 33-П и др.; определения от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 16 июля 2013 года № 1226-О и др.).

Уголовное преследование – одна из форм реализации государством обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод, по борьбе с преступностью и минимизации (нейтрализации) последствий совершения преступлений в тех случаях, когда конституционно значимые ценности становятся объектом преступного посягательства. Вместе с тем обязанность обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделения их правом определять необходимость публичного уголовного

преследования в отношении того или иного лица и пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на преступное поведение, в связи с чем вид и мера ответственности виновного должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не из частных интересов потерпевшего (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 16 мая 2007 года № 6-П, от 17 октября 2011 года № 22-П, от 18 марта 2014 года № 5-П и др.).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в постановлениях от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 31 января 2024 года № 4-П, с учетом того что интересы обеспечения и защиты прав потерпевших также имеют публично-правовое значение, дискреционный характер полномочий по определению оснований уголовного преследования и отказа от него не снимает с государства обязанность не только конструировать составы преступлений, регламентировать порядок привлечения к ответственности и освобождения от нее, но и гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, что требует должных процессуальных гарантий.

Выбор соответствующих мер предупредительного, пресекающего, восстановительного или обеспечительного характера, разработка механизма их действия относятся к полномочиям законодателя, который призван устанавливать оптимальную правовую защиту, с тем чтобы конституционные права не нарушались, а в случае посягательства на них – гарантировать приведение нарушенного права в первоначальное состояние, при

невозможности этого – обеспечивать максимально полное возмещение причиненного в результате его нарушения ущерба. Необходимость принятия таких мер вытекает и из Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), предусматривающей, что лица, которым причинен вред в результате действий, нарушающих национальные уголовные законы, имеют право на доступ к механизмам правосудия и на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб, а правонарушители или третьи стороны, несущие ответственность за их поведение, должны предоставлять справедливую реституцию, включая возврат собственности или выплату за причиненный вред, возмещение расходов, понесенных из-за виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах (пункты 1, 4 и 8).

Обязанность гарантировать защиту прав потерпевших вытекает и из статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Это означает, что государство не только обязано предотвращать и пресекать посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания, но и должно обеспечивать потерпевшему возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы. Иное свидетельствовало бы об умалении достоинства личности не только субъектом противоправных действий, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 26 октября 2021 года № 45-П, от 28 марта 2024 года № 13-П и др.).

Таким образом, государство обязано предусматривать эффективные меры предупреждения общественно опасных деяний и противодействия им, а также, исходя из их характера, тяжести и распространенности, вправе определять конструкцию состава правонарушения, вид и меру ответственности, условия отказа от ее применения. С учетом уязвимости потерпевших от данных деяний государство обязано, соблюдая принципы

равенства, справедливости и гуманизма, предусматривать и меры, направленные на обеспечение максимально полного возмещения причиненного потерпевшим ущерба, а равно и процессуальные гарантии защиты их прав. При этом названные принципы действуют в отношении как лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, так и потерпевших, чем и достигается баланс интересов личности, общества и государства.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации – единственный законодательный акт, который определяет преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (часть первая статьи 3), а значит, основания освобождения от уголовной ответственности также находятся в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Потому с положениями данного Кодекса, как специально предназначенного для регулирования соответствующих отношений, должны быть согласованы и нормы уголовно-процессуального закона. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы, призванные определять порядок уголовного преследования и возложения уголовной ответственности и наказания, не могут подменять или отменять положения уголовного закона (Постановление от 29 июня 2004 года № 13-П и др.).

3.1. Для исключения несоразмерной или произвольной уголовной ответственности законодатель обязан, реализуя общепризнанный принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*, установить как уголовно-правовые запреты, так и сферу их действия, предполагающую четко обозначенные границы. Темпоральным пределом уголовной ответственности, а равно и уголовного преследования, призванного обеспечить ее неотвратимость и достижение целей публично-правового принуждения, служит истечение срока, который с момента совершения преступления отведен законодателем для процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого или обвиняемого. Этот срок расценивается как достаточный и гарантирует, что никто не будет находиться под угрозой уголовной ответственности неограниченное время –

за редкими исключениями, обусловленными тяжестью и направленностью содеянного.

Конституционный Суд Российской Федерации не раз отмечал, что освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени со дня его совершения и ввиду возможности восстановить социальную справедливость без уголовной репрессии, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма. Существо этого института состоит в том, что хотя само деяние и не утратило признак преступности, но за истечением определенного срока устраняется его наказуемость, а потому лицо, его совершившее, не подлежит уголовной ответственности (освобождается от нее) (Постановление от 18 июля 2022 года № 33-П; определения от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 22 апреля 2014 года № 920-О, от 5 июня 2014 года № 1309-О, от 23 июня 2015 года № 1531-О, от 29 марта 2016 года № 511-О, от 27 февраля 2018 года № 281-О, от 26 сентября 2024 года № 2060-О и др.).

В основе такого подхода лежит подтвержденная историческим опытом и криминологическими данными закономерность: истечение значительного времени после совершения преступления существенно меняет оценку необходимости уголовной репрессии. Названные в статье 43 УК Российской Федерации цели наказания – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений – могут быть признаны достигнутыми и без формального возложения уголовной ответственности. Если лицо в течение давностного срока не было изобличено и не совершило новых уголовно наказуемых деяний, законодатель вправе исходить из презумпции утраты этим лицом общественной опасности и из того, что само течение времени оказало на него позитивное корректирующее воздействие, обеспечив цели исправления и специальной превенции. Как правило, ввиду снижения остроты восприятия обществом давно

совершенного преступления отпадает и необходимость принудительного восстановления социальной справедливости.

В итоге карательное значение воздаяния за содеянное уменьшается, уступая место соображениям снисхождения и социальной стабильности, а отказ государства от уголовного преследования за пределами срока давности представляет собой предусмотренное законом решение, обеспечивающее баланс между публично-правовой обязанностью противостоять преступности и конституционно значимыми ценностями гуманизма, справедливости и правовой определенности. Исходя из этого законодатель установил в статье 78 УК Российской Федерации сроки давности, дифференцированные по категориям (тяжести) преступлений, и закрепил императивное требование, в силу которого лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние (кроме случаев, указанных в частях четвертой и пятой данной статьи, когда срок давности может не применяться или не применяется), освобождается от уголовной ответственности, если истекли исчисляемые со дня совершения преступления сроки (с учетом возможного их приостановления) на момент принятия процессуального решения в связи с этим обстоятельством.

Из статей 49 и 54 Конституции Российской Федерации следует, что подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, который предусматривает наряду с преступностью и наказуемостью деяния также иные его уголовно-правовые последствия, включая освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности. Закрепляя срок давности как темпоральный предел уголовной ответственности за преступление, законодатель тем самым позволяет лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, не подвергаться уголовному преследованию сверх этого срока. Условия же и порядок применения норм уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности определены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению по истечении сроков давности уголовного преследования; орган или должностное лицо, осуществляющие

уголовное судопроизводство, в зависимости от стадии, на которой выявлено истечение срока, отказывают в возбуждении дела или прекращают его, а возобновление производства по ранее прекращенному делу возможно в том случае, если не истекли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности (пункт 3 части первой статьи 24, часть первая статьи 212, статья 213 и часть третья статьи 214).

3.2. Приведенное регулирование распространяется и на ситуацию, когда лицо, совершившее преступление и потому подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Статья 78 УК Российской Федерации связывает начало течения сроков давности исключительно с моментом совершения преступления, а не с моментом обнаружения преступления и не с моментом установления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Эти сроки, как указано в части второй данной статьи, исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу, а их течение, согласно ее части третьей, приостанавливается, если совершившее преступление лицо уклоняется, в частности, от следствия или суда. В отличие от утратившей силу статьи 48 УК РСФСР, какого-либо прерывания течения давностных сроков в связи с совершением лицом нового преступления действующее регулирование не предусматривает.

Следовательно, если названные в статье 78 УК Российской Федерации временные периоды истекли (с учетом отсутствия их приостановления), лицо не может быть подвергнуто уголовной ответственности независимо от того, установлено ли оно в процессуальном смысле (привлечено ли к участию в деле в качестве подозреваемого или обвиняемого). Иное означало бы, что срок давности вопреки прямому предписанию закона может длиться неограниченное время, что не согласуется с принципом правовой определенности и существом данного правового института, определяющего темпоральные пределы реализации уголовной ответственности.

Этот вывод не опровергается, а подтверждается закрепленным в части второй статьи 27 УПК Российской Федерации требованием о том, что

прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, т.е. за истечением сроков давности, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. Указанное требование направлено на защиту прав конкретного лица, которому должна быть обеспечена возможность добиваться своей реабилитации в ходе полноценного судебного разбирательства. Если же постановление о прекращении уголовного дела выносится в отношении неустановленного лица, которое не подвергалось правоограничениям в этом деле, не наделялось статусом подозреваемого или обвиняемого, то такое решение не затрагивает его интересы и потому не предполагает и не может предполагать выяснения его позиции. По смыслу правового регулирования, не может служить препятствием для применения норм о давности отсутствие участника уголовного процесса, чье согласие требовалось бы получить ввиду того, что такое решение затрагивает (ограничивает) его права.

Приведенный вывод подтверждается и частью третьей³ статьи 6¹ УПК Российской Федерации, которая прямо указывает, что при определении разумного срока досудебного производства, завершившегося прекращением уголовного дела по пункту 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, учитывается, среди прочего, достаточность и эффективность действий, производимых в целях установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. Тем самым, закрепляя принцип разумного срока уголовного судопроизводства и механизмы компенсации за его нарушение, законодатель исходит из того, что прекращение дела по этому основанию в отношении неустановленного лица является допустимым и не противоречит природе уголовного преследования. По смыслу правовых позиций, высказанных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 июня 2013 года № 14-П, право потерпевшего на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок иногда объективно обусловлено невозможностью обеспечить неотвратимость уголовной ответственности каждого лица, совершившего преступление.

Кроме того, регламентируя правила исчисления сроков давности, законодатель в части третьей статьи 78 УК Российской Федерации прямо указал, что их течение приостанавливается, только если лицо уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76² данного Кодекса; в таком случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания этого лица или явки его с повинной. Иных обстоятельств, которые позволяли бы приостанавливать или продлевать течение давностных сроков, уголовный закон не называет. Тем самым законодатель, имея возможность предусмотреть специальные правила на случай, когда лицо, подлежащее привлечению к ответственности, не установлено, не воспользовался своей дискрецией для введения такого основания в число обстоятельств, приостанавливающих или иным образом влияющих на течение давностных сроков.

Таким образом, доказанное истечение сроков давности, названных в статье 78 УК Российской Федерации, по смыслу пункта 3 части первой статьи 24 и части третьей статьи 214 УПК Российской Федерации влечет прекращение уголовного дела и исключает по общему правилу возможность возобновления производства по нему вне зависимости от того, установлено ли лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Иное толкование оспариваемых норм не согласовывалось бы с правовой природой действующего института давности, создавало бы неопределенность в вопросе о временных пределах уголовного преследования и порождало бы несоразмерную, не ограниченную во времени угрозу уголовной ответственности.

Вместе с тем согласно части четвертой статьи 78 УК Российской Федерации вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается исключительно судом, а к лицам, совершившим перечисленные в ее части пятой преступления, сроки давности не применяются. В отношении таких преступлений следователь не вправе разрешать вопрос об освобождении от уголовной ответственности в связи с

истечением сроков давности. Тем самым для этих деяний в досудебном производстве исключается как отказ в возбуждении уголовного дела, так и прекращение уголовного преследования по названному основанию. Если не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, предполагается приостановление (а не прекращение за истечением сроков давности) уголовного дела об убийстве независимо от предварительной квалификации содеянного, данной при возбуждении дела в отсутствие виновного (когда не всегда могут быть правильно оценены субъективные признаки совершенного им деяния) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 года № 2574-О и от 14 мая 2026 года № 1307-О). Соответственно, для преступлений, совпадающих по своим объективным признакам с перечисленными в частях четвертой и пятой указанной статьи (с учетом уточнения предварительной квалификации, данной при возбуждении уголовного дела), доказанное истечение сроков давности не влечет прекращения уголовного дела, приостановленного в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

4. Прекращение уголовного дела о преступлении, совершенном неустановленным лицом, ввиду истечения сроков давности затрагивает права потерпевшего, а потому проверка конституционности соответствующего регулирования требует оценки достаточности гарантий, обеспечивающих баланс конституционных ценностей в данной ситуации.

Будучи участником уголовного процесса со стороны обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК Российской Федерации), потерпевший имеет собственные интересы, несводимые исключительно к возмещению причиненного ему вреда. Эти интересы в немалой степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности и объеме обвинения, о применении уголовного закона, от решения которых во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 18 марта 2014 года № 5-П и др.). Для защиты этих интересов потерпевший наделяется правами,

включая право заявлять о совершенном преступлении, представлять доказательства, ходатайствовать о производстве следственных действий, приносить жалобы на действия, бездействие и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда (часть вторая статьи 42 УПК Российской Федерации).

Правам потерпевшего корреспондирует закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации обязанность государства в лице органов расследования в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления и изобличению виновного в нем (статья 21), что предполагает возбуждение уголовного дела и проведение по нему предварительного расследования (статьи 146, 147 и 156), установление и уголовное преследование лица, подлежащего уголовной ответственности (статьи 6, 47 и 171), передачу дела в суд для разрешения по существу (статьи 220, 225 и 226⁷). Если же такое лицо не установлено, предварительное следствие приостанавливается, что не освобождает орган расследования от принятия мер к его розыску и последующему возобновлению производства (пункт 1 части первой статьи 208, статьи 209 и 211), чему корреспондирует обязанность соответствующих субъектов оперативно-розыскной деятельности осуществлять раскрытие преступлений по возбужденным, но не прекращенным уголовным делам.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, потерпевший не может быть лишен права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по делу не установлены подозреваемые или обвиняемые. По факту совершенного деяния органы дознания и предварительного следствия обязаны провести расследование и принять все необходимые меры к выяснению обстоятельств дела, создать надлежащие условия для исполнения потерпевшим его процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных ему прав, хотя бы это и не привело к раскрытию преступления и изобличению виновных, что отвечает назначению уголовного судопроизводства, состоящему в том числе в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений

(пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации) (постановления от 14 января 2000 года № 1-П и от 25 июня 2013 года № 14-П; определения от 17 сентября 2013 года № 1336-О, от 12 марта 2019 года № 578-О, от 26 сентября 2024 года № 2060-О, от 9 июня 2026 года № 1688-О и др.).

Из сказанного вытекает, что право потерпевшего на эффективное – т.е. проведенное должным образом, отвечающее предъявляемым к такого рода процессуальной деятельности требованиям полноты и всесторонности – расследование должно быть реализовано своевременно, до истечения сроков давности уголовного преследования. Срочный (неотложный) характер обязанности раскрыть преступление и изобличить виновных подтверждается тем же темпоральным пределом, который предусмотрен статьей 78 УК Российской Федерации для привлечения к уголовной ответственности. Условием прекращения дела в связи с истечением сроков давности выступает законность и обоснованность подозрения и обвинения, что, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, предполагает предварительное проведение всего необходимого комплекса следственных действий, направленных на установление лица, подлежащего привлечению к ответственности (постановления от 19 мая 2022 года № 20-П и от 18 июля 2022 года № 33-П). Иное – применение сроков давности без проведения своевременного, полного и всестороннего расследования – означало бы, что государство фактически пренебрегает своей обязанностью, лишая как потерпевшего, так и иных граждан права на защиту от преступных посягательств и ослабляя гарантии судебной защиты, вопреки статьям 2, 18, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации.

Для обеспечения права на эффективное расследование уголовно-процессуальный закон содержит систему мер, направленных на защиту потерпевших от бездействия соответствующих органов. Статья 123 УПК Российской Федерации закрепляет право участников уголовного процесса, а равно иных лиц, чьи интересы затрагиваются процессуальными действиями и решениями, обжаловать их в установленном порядке. Реализуется это право через механизмы ведомственного контроля и прокурорского надзора, как

предусмотрено статьями 37, 39 и 124 данного Кодекса, а также судебного контроля в порядке его статьи 125.

По смыслу статьи 125 УПК Российской Федерации суд не лишен возможности рассматривать жалобы потерпевших на неэффективность предварительного расследования, если эта неэффективность является следствием ненадлежащих действий или бездействия должностных лиц (несвоевременность, недостаточность мер по изобличению виновных). При этом суд не должен ограничиваться формальной проверкой соблюдения требований закона и вправе оценивать фактическую обоснованность оспариваемых решений, действий или бездействия. Такая оценка включает полномочие суда указать на конкретные допущенные нарушения, которые соответствующие орган или должностное лицо обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий или бездействия вышестоящему прокурору либо в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 года № 30-П и от 20 января 2023 года № 3-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 3005-О, от 29 апреля 2026 года № 955-О и др.).

Следовательно, прекращение уголовного дела по пункту 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации в отношении неустановленного лица не вступает в противоречие с конституционными гарантиями прав потерпевшего, которому до истечения сроков давности уголовного преследования должна быть обеспечена реальная возможность воспользоваться указанными процессуальными механизмами для защиты своего права на эффективное расследование.

5. Из предписаний Конституции Российской Федерации, которые обязывают соблюдать ее и законы, гарантируют государственную, включая судебную, защиту прав и свобод и возлагают на государство обязанность обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 15, часть 2; статья 45, часть 1;

статья 46, части 1 и 2; статья 52), вытекает возможность отменить незаконное или необоснованное постановление о прекращении уголовного дела и возобновить производство по нему. Это в полной мере относится и к решениям о прекращении дела, вынесенным на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что потерпевший при наличии у него обоснованных сомнений в правильности исчисления срока давности вправе представить свои возражения против прекращения уголовного дела, которые подлежат проверке судом, а также оспорить такое решение по мотивам его незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом порядке (Постановление от 2 марта 2017 года № 4-П и Определение от 26 сентября 2024 года № 2060-О). Оспаривая по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации постановление о прекращении дела, потерпевший может приводить доводы об обстоятельствах, влияющих на размер срока давности или на его исчисление, в частности об ошибочном определении категории или времени совершения преступления, о наличии причин для приостановления течения срока давности.

Юридическим фактом, дающим основание для прекращения уголовного дела, служит истечение периода, предусмотренного частью первой статьи 78 УК Российской Федерации, исчисляемого со дня совершения преступления с учетом возможного его приостановления, что зависит от полноты и точности установления обстоятельств произошедшего и от правильности квалификации содеянного. Если в постановлении о прекращении дела неверно отражены существенно значимые обстоятельства либо им дана неправильная правовая оценка, это ставит под сомнение основания такого решения, а потому предполагает возможность его отмены как не отвечающего критериям законности и обоснованности (статья 7 УПК Российской Федерации) и проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на исправление допущенных нарушений. Иное придавало

бы допущенной ошибке легитимную значимость, вело бы к отступлению от требований законности, справедливости и равенства, исключало бы право на судебную защиту (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 года № 1202-О).

6. Защита прав потерпевших от преступлений не исчерпывается средствами уголовного и уголовно-процессуального законов – она возможна и в процедуре гражданского судопроизводства. Регулирование такого рода общественных отношений, согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, предполагает его непротиворечивость, взаимную согласованность предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности, а также адекватность и разумную достаточность используемых правовых средств, направленных на охрану законом прав потерпевших (Постановление от 17 декабря 2025 года № 46-П и др.).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, потерпевшим – исходя из признания за ними процессуального равенства при восстановлении в правах как путем уголовного, так и путем гражданского судопроизводства – должны обеспечиваться равные условия, включая содействие со стороны государства в получении доказательств, подтверждающих факт причинения вреда противоправным деянием. Так, потерпевшему не может быть отказано в предоставлении материалов уголовного дела для использования в гражданском процессе, а данные предварительного расследования в силу части первой статьи 71 ГПК Российской Федерации подлежат принятию судом в качестве письменных доказательств и оцениваются наряду с другими доказательствами по правилам его статьи 67 – по внутреннему убеждению, на основе всестороннего, полного, объективного и непосредственного их исследования. Оценка же судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами органов, осуществлявших уголовное судопроизводство, изложенными в

постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности, в случае несогласия с ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 2 марта 2017 года № 4-П; Определение от 9 июня 2026 года № 1688-О и др.).

Следовательно, прекращение уголовного дела по пункту 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации не препятствует судебной защите прав потерпевшего посредством гражданского иска, по крайней мере в пределах срока исковой давности, который применительно к случаям, когда надлежащий ответчик не установлен, обычно составляет десять лет со дня совершения преступления (статьи 196 и 200 ГК Российской Федерации), притом что вопрос о конституционности распространения общих правил о сроке исковой давности на случаи причинения вреда преступлениями в настоящем Постановлении не рассматривается.

Более того, потерпевший вправе обратиться за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства, предъявив требования не только к лицу, совершившему преступление или несущему по закону материальную ответственность за действия лица, совершившего преступление, но и к иным лицам. Так, потерпевший от хищения денежных средств с банковского счета вправе предъявить иск о взыскании неосновательного обогащения к лицу, на счет которого осуществлен перевод похищенных денежных средств (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2025 года № 47-П).

Разрешая такие иски, суд не вправе игнорировать представляемые ему материалы уголовного дела, подтверждающие событие преступления, даже если причастное к преступлению лицо не приобрело формального статуса подозреваемого или обвиняемого, а равно иные факты и обстоятельства, имеющие значение для дела. Новое доказывание или опровержение сторонами обстоятельств, установленных в уголовном деле, не вступает в противоречие с ранее принятыми по нему процессуальными решениями, которые не предрешают исхода гражданского спора.

Защите прав потерпевшего в гражданском процессе в наибольшей степени способствует наличие имеющих генезис в уголовном процессе документов, в которых причастное к преступлению лицо непосредственно поименовано. Такая возможность может возникнуть в связи с установлением лица, причастного к совершению преступления (например, это лицо может быть выявлено в том числе в рамках другого уголовного дела), после прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Назначение уголовного судопроизводства, состоящее в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации), реализующее конституционную обязанность государства обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52 Конституции Российской Федерации), обуславливает необходимость такого конституционно-правового истолкования части третьей статьи 214 УПК Российской Федерации, которое не препятствует проверке и фиксации указанных сведений уголовно-процессуальными средствами.

Поскольку в описанной ситуации отсутствует действительное производство по уголовному делу (оно прекращено), а обнаруженному лицу не грозит применение мер уголовной ответственности, проверка его причастности к совершению преступления осуществляется не путем возобновления предварительного расследования, а посредством процессуального инструментария, характерного для стадии возбуждения уголовного дела, в порядке, аналогичном предусмотренному статьей 144 УПК Российской Федерации. Указанный инструментарий предназначен именно для таких ситуаций, когда производство по делу не ведется (приостановлено, прекращено или еще не возбуждено), однако юридически значимые факты могут устанавливаться применимыми на этом этапе процессуальными средствами. С этим согласуется и то, что пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации предусматривает не только прекращение уголовного дела ввиду истечения срока давности, но и отказ в возбуждении дела по данному основанию, т.е. предусмотренные статьей 144

УПК Российской Федерации средства проверки сообщений о преступлении признаются законодателем достаточными для применения срока давности.

Данный порядок позволяет, в частности, получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном этим Кодексом, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (часть первая статьи 144 УПК Российской Федерации). Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные этим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав (часть первая¹ статьи 144 УПК Российской Федерации).

Такая процедура позволяет подтвердить или опровергнуть совершение деяния конкретным лицом. Если в ходе проверки подтверждается причастность лица к совершению деяния, содержащего признаки преступления, срок давности по которому истек и подлежит применению, ранее вынесенное постановление о прекращении уголовного дела в отношении неустановленного лица подлежит отмене с одновременным вынесением нового – персонифицированного постановления о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации. Вынесение такого решения, с одной стороны, способствует потерпевшему в защите его прав в порядке гражданского судопроизводства, а с другой – предоставляет самому лицу, о причастности которого к совершению преступления были сделаны выводы, право либо согласиться с применением соответствующего нереабилитирующего основания, либо возражать против этого, настаивая на судебной защите своей чести и доброго имени. В последнем случае ранее вынесенное постановление о прекращении уголовного дела подлежит отмене, а возобновленное предварительное расследование осуществляется по правилам, предусмотренным частью второй² статьи 27 УПК

Российской Федерации, с тем, однако, что установленные ею пресекательные сроки – в силу объективной невозможности их исчисления с момента истечения сроков давности – подлежат исчислению с момента отмены ранее вынесенного постановления о прекращении дела (возобновления производства по делу), а после передачи дела в суд применяется часть восьмая статьи 302 данного Кодекса.

Кроме того, применение процессуального инструментария в порядке, аналогичном предусмотренному статьей 144 УПК Российской Федерации, позволяет проверить, истекли ли сроки давности и подлежали ли они применению, с учетом, в частности, того, что после выявления лица может измениться квалификация деяния, а от нее, в свою очередь, зависит порядок применения сроков давности. Соответственно, установление лица, причастного к совершению преступления, может существенно поменять фактическую и юридическую основу прекращенного дела, в силу чего постановление о его прекращении в неперсонифицированном виде может утратить правомерность. Если по результатам проверки будут выявлены такие либо иные указанные в пункте 5 мотивировочной части настоящего Постановления обстоятельства, свидетельствующие о том, что срок давности в действительности не истек либо не подлежал применению, то постановление о прекращении уголовного дела отменяется, а дальнейшее производство осуществляется в общем порядке.

Для того чтобы данная процедура оставалась возможной, осуществлявшие предварительное расследование органы (должностные лица) обязаны обеспечить хранение материалов прекращенных уголовных дел в течение разумного времени.

7. Конституционное право на судебную защиту предполагает не только возможность обратиться в суд, но и своевременность рассмотрения дела. Правосудие отвечает требованиям справедливости лишь при условии, что разбирательство проведено в разумный срок. Соответственно, государство обязано обеспечить соблюдение разумных сроков и на досудебных стадиях уголовного процесса, а при их нарушении – предоставить потерпевшему возможность воспользоваться компенсаторным механизмом даже тогда, когда по

уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые. Это согласуется со статьями 52 и 53 Конституции Российской Федерации и вытекает из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 года № 14-П.

В силу части третьей³ статьи 6¹ УПК Российской Федерации при определении разумного срока досудебного производства, завершившегося прекращением уголовного дела по пункту 3 части первой его статьи 24, учитываются, в частности, своевременность обращения потерпевшего с заявлением о преступлении, правовая и фактическая сложность дела, достаточность и эффективность действий органов расследования по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. Если же продолжительность досудебного производства превысила закрепленные в законе пределы и имеются данные о непринятии мер по своевременному установлению виновного, потерпевший или иное заинтересованное лицо, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, вправе в шестимесячный срок со дня принятия решения о прекращении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении подать заявление о присуждении компенсации (часть 7³ статьи 3 Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»).

Данный компенсаторный механизм служит дополнительной гарантией защиты прав потерпевшего в ситуации прекращения уголовного дела в отношении неустановленного лица ввиду истечения сроков давности и одновременно стимулирует органы расследования к надлежащему и своевременному исполнению возложенных на них обязанностей по раскрытию преступлений и изобличению виновных.

8. Таким образом, пункт 3 части первой статьи 24 и часть третья статьи 214 УПК Российской Федерации, исходя из выявленного в пункте 1 резолютивной части настоящего Постановления их конституционно-правового смысла, не противоречат Конституции Российской Федерации.

Федеральный законодатель при этом не лишен возможности внести с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, изменения в действующее правовое регулирование, направленные как на уточнение порядка прекращения уголовных дел ввиду истечения сроков давности, так и на обеспечение дополнительных гарантий прав потерпевших от преступлений, по которым сроки давности истекли, а совершившие их лица не установлены.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 3 части первой статьи 24 и часть третью статьи 214 УПК Российской Федерации – в силу которых истечение сроков давности уголовного преследования является основанием для прекращения уголовного дела и обстоятельством, препятствующим возобновлению производства по этому прекращенному делу, в том числе в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, – не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают следующее:

потерпевшему обеспечиваются право на эффективное расследование, которое должно быть проведено до истечения сроков давности уголовного преследования, право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства, включая доступ к материалам прекращенного уголовного дела для обоснования исковых требований, и право на компенсацию за нарушение разумного срока судопроизводства;

производство по прекращенному уголовному делу может быть возобновлено в том числе по жалобе потерпевшего в связи с обстоятельствами, свидетельствующими о том, что срок давности не истек либо не подлежал применению;

при установлении лица, причастного к совершению преступления, по результатам проверки посредством применения процессуального инструментария в порядке, аналогичном предусмотренному статьей 144 УПК Российской Федерации, ранее вынесенное постановление о прекращении уголовного дела может быть отменено с одновременным вынесением нового – персонифицированного – уголовно-процессуального решения, что, в частности, способствует реализации права потерпевшего на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства и требует предоставления лицу, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления, права на защиту чести и доброго имени посредством возражения против прекращения уголовного преследования по данному основанию.

Придание данным нормам иного смысла в системе действующего правового регулирования вступало бы в противоречие со статьями 15 (часть 2), 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку означало бы отказ от принципа правовой определенности и лишало бы потерпевшего эффективных гарантий судебной защиты.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 3 части первой статьи 24 и части третьей статьи 214 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Дело гражданина Петрова Владимира Геннадьевича, в котором были применены пункт 3 части первой статьи 24 и часть третья статьи 214 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежит пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 53-П

Конституционный Суд
Российской Федерации